

Н.С. Петрова

Неподцензурный фольклор советской эпохи: проблемы и перспективы изучения

В статье рассматривается специфика изучения неподцензурного советского фольклора (источниковедческий и методологический аспекты, исследовательские ограничения), делаются обобщения относительно особенностей его функционирования.

Ключевые слова: неподцензурный советский фольклор, история фольклористики.

В изучении советского фольклора долгое время преобладали исследования, в центре внимания которых находились явления «идеологически выверенные». Между тем еще медиевист К. Гинзбург выдвинул утверждение о неправомерности отождествления «культуры, созданной народом» и «культуры, навязанной народу»¹, и это разграничение неподцензурного (стихийно возникающего, «низового» по отношению к власти) и официально поощряемого актуально и для советского материала.

В позднее советское и постсоветское время появились работы, посвященные отдельным видам фольклорных текстов, выходящих за рамки очерченного учебниками устного народного творчества материала и ставших доступными исследователям после открытия ранее закрытых по цензурным соображениям архивных фондов². В качестве примеров можно назвать сборник статей о фольклоре ГУЛАГа³, исследование М. и Л. Джекобсонов о песнях ГУЛАГа⁴, анализ политических анекдотов А. Крикманном⁵, А. Архиповой и М. Мельниченко⁶.

© Петрова Н.С., 2017

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 16-18-00068 «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

Помимо цензурного, крайне важен также методологический аспект проблемы: некоторые фольклорно-мифологические явления не становились предметом фольклористического изучения не только по причине идеологических запретов (как это было в случае с проявлениями народной религиозности, магическими практиками, политическим фольклором)⁷, но и в связи с тем, что они относительно недавно стали включаться в поле фольклорно-антропологических исследований. Последние два-три десятилетия в фольклористике и антропологии характеризуются такими значимыми изменениями, как перенос внимания исследователей с «основных» явлений на «периферийные», смещение полевой работы из деревни в город, акцент на изучении не архаических форм культуры, а современных, смена ракурсов рассмотрения: больше внимания уделяется коммуникативному аспекту бытования фольклорных текстов и практик, анализу картины мира, интертекстуальным и контекстным отношениям⁸.

По обозначенным выше причинам до сих пор отсутствуют комплексные исследования вернакулярной (неофициальной, отличной от «канона», стихийно возникающей) советской фольклорной традиции, тогда как официальный советский фольклор активно изучался и синхронно, и – в критическом ракурсе – в постсоветский период⁹.

О большей точности терминов «подцензурный» / «неподцензурный» применительно к советской культуре по сравнению с оппозицией «официальный» / «неофициальный» писали социологи И. Уварова и К. Рогов¹⁰. При этом трудно спорить с критикой такого принципа бинарных оппозиций для описания советской культуры как слишком упрощенного¹¹, однако некоторая схематизация кажется оправданной для понимания общих закономерностей ее функционирования.

Неподцензурность советских фольклорно-мифологических текстов понимается нами двояко: с одной стороны, это то, что изначально не подвергалось официальной цензуре, так как возникло в рамках спонтанной низовой традиции и развивалось по законам фольклора; с другой стороны, это ненормативные явления, воспринимавшиеся властью как оппозиционные, хотя, как правило, таковыми не являвшиеся. Говоря о втором значении неподцензурности уместно вспомнить критические замечания А.А. Панченко относительно некоторых зарубежных исследователей политического анекдота, видевших его основной смысл в выражении социального протеста: «“Ненормативность” вовсе не обязательно подразумевает “оппозиционность”»: по всей видимости, тексты, которые мы можем причислить к русскому политическому фольклору, отражают до-

статочны разнообразные социальные стратегии, тяготеющие и к сопротивлению, и к приспособлению»¹².

Здесь хотелось бы уточнить, что далеко не все явления, такие, как неподцензурный советский фольклор и мифология, связаны с выражением «истинного» (или негативного) отношения граждан к власти на «скрытом», непонятном ей языке в формате своеобразных «тайных посланий» (*hidden transcript* в терминологии Дж. Скотта¹³). Другими словами, неподцензурный фольклор не является исключительно антисоветским.

Тем не менее имеющийся налет «запретности» способствовал недостаточной своевременной фиксации текстов неподцензурного фольклора. В связи с этим можно выделить два основных свойства источников по неподцензурному советскому фольклору и мифологии. Во-первых, это преимущественно письменные документы, а не традиционные для фольклористики устные сообщения. Во-вторых, такие источники изначально предназначались отнюдь не для записи фольклорных и мифологических текстов.

На первый взгляд, сложно назвать фольклором в традиционном смысле этого слова записи, обнаруживаемые в советских дневниках, мемуарах, «письмах во власть», информационных сводках ВЧК–ОГПУ–НКВД, протоколах допросов и прочих документах; однако при более подробном рассмотрении здесь, безусловно, выделяются упоминания фольклорных фактов – высказываний разного рода, несущих в себе воспроизводимые и устойчивые сообщения, пусть и довольно аморфные в жанровом отношении, но соотносимые с быличками, бывальщинами, легендами, преданиями, анекдотами. Зафиксированные полностью либо частично в письменных документах подобные тексты и описания практик советской эпохи позволяют говорить о том, что явления, которые они отражают, обладают такими фольклорными признаками, как устность, анонимность, клишированность, соответствие мифологическим шаблонам и воспроизведение мифологических конструкторов.

Таким образом, выявленные в наших источниках тексты – это не привычные для фольклористических исследований тексты-объекты, но тексты-инструменты, с помощью которых происходит своеобразная реконструкция как отдельных фрагментов неподцензурной советской традиции, так и всей этой традиции как системы по косвенным источникам.

В ситуации, когда большинство доступных источников содержат не полные тексты с развернутым описанием контекста их бытования, а отрывочные данные и, кроме того, представляет собой не беспристрастную научную фиксацию фактов, а отражение взглядов

на них какой-то определенной социальной группы (будь то представители власти, создающие информационные обзоры, или бывшие политические заключенные, пишущие воспоминания), крайне важен комплексный подход к отбору источников. Это позволяет, с одной стороны, верифицировать имеющиеся данные. В случае если, например, наличие какого-либо слуха отмечается не только в официальных документах, но и в источниках личного происхождения, гораздо меньше оснований подозревать некую злонамеренную фальсификацию. С другой стороны, рассмотрение различных типов источников дает возможность уточнить социальные сферы распространения тех или иных фольклорных текстов и практик.

Среди большого массива мемуаров, писем во власть, информационных сводок и т. д. нами отбиралась повествовательные тексты и описания практик 1920–1940-х гг., в той или иной степени отражающие: а) описание при помощи устойчивых фольклорно-мифологических моделей новых социополитических реалий (коллективизация, перепись населения) и персонажей (коммунист или вредитель как собирательные образы, отдельные представители советской администрации), б) различные формы диалога с властью (сюда относится, например, взаимодействие сельских жителей с местной администрацией в процессе совершения магических метеорологических практик¹⁴ или заключенных ГУЛАГа с тюремно-лагерными чиновниками при исполнении христианских обрядов¹⁵).

Этот этап работы можно назвать определением корпуса. Далее отобранные тексты (480 единиц) систематизировались по тематическому принципу, был составлен указатель¹⁶. Дальнейшие перспективы работы с корпусом текстов неподцензурного советского фольклора и мифологии связаны с его пополнением (открытая структура и размещение в интернете¹⁷ упрощает эту процедуру). Кроме того, планируется составить указатель действующих лиц и разработать словарь семантических единиц (учитывая разнородный состав собрания, эта задача достаточно непростая, но, как кажется, все же необходимая для дальнейшего анализа).

Говоря о народной культуре, М. Де Серто показал символический потенциал, которым она обладает, чтобы продемонстрировать неприятие статуса существующего порядка, навязываемого в качестве естественного. Вынужденное существование в контролируемом пространстве («сети признанных сил и репрезентаций») вовсе не исключает его переосвоения, игры с ним, воссоздания утопического пространства справедливости (пусть лишь в форме, скажем, рассказов о чудесах, где эта справедливость и осуществляется)¹⁸. На наш взгляд, это утверждение применимо и к советской неподцензурной

фольклорной традиции. В ней можно обнаружить различные формы взаимодействия с новой властью: как конфликтные схемы (игнорирование, неприятие действий властей), так и попытки диалога, включения.

Одна из стратегий общения с властью – это, по сути, избегание диалога. Люди игнорируют новые социально-политические условия при сохранении старых текстов и практик:

[1937 г.] Летние религиозные праздники отвлекают многих трудящихся от работы, сопровождаются прогулами, пьянством и т. д. Например, в 1936 г. из-за «иванова дня» в разгар сенокоса три дня гуляли в колхозе «Светлый путь» (Вологда, Северный край). Три дня не работали в «казанскую» в Коняшинском колхозе имени Кирова (Раенский р-н, Московская обл.) и не вывезли с поля ни одного килограмма картофеля. 500 трудодней потерял колхоз «Красная заря» (В.-Устюжский р-н, Северный край) из-за «петрова дня». Примеров таких, к сожалению, не мало. Во многих местах верующие справляют не только «крупные» праздники, но и престольные, вроде «нилова дня», «владимирской», праздник Бориса и Глеба и т. п.

Некоторые верующие трудящиеся, продолжающие держаться вредных прадедовских обычаев, по религиозным праздникам рассчитывают начало и конец своих работ, например, начинают покос с «петрова дня», жатву – с «ильина дня» и т. д.¹⁹

Другая стратегия состоит в признании за новой советской администрацией права санкционирования совершаемых действий / исполняемых текстов:

[Курская губ., 1924] В Бобрышевской вол., когда появилась совка (озимый червь. – *Н. П.*), то попы повели агитацию о том, что для избавления нужно отслужить молебен, и 28 сентября, если разрешит ВИК, будут служить таковой. В с. Красиково этой же волости 27 сентября на поле поп служил молебен для избавления от червей, причем брали разрешение в ВИКе²⁰.

Кроме этого, возможна компромиссная форма взаимодействия, состоящая в формировании новых ритуализированных форм поведения, включающих в традиционную структуру актуальное содержание (например, когда представитель сельской администрации занимает в обряде вызывания дождя то же место, что и дореволюционные высокостатусные члены сельского социума – ср. с обливанием водой священника во время засухи):

[Северный Кавказ, 1934] Председатель [колхоза] Дауров (кандидат ВКП(б)) и председатель сельсовета – быв. мулла, на колхозные средства отремонтировали межгет: на следующий день их жены организовали «черный курман», во время которого председателя сельсовета обливали водой, «чтобы пошел дождь»²¹.

Власть, таким образом, выступает и как некая внешняя сила, влияющая на фольклорно-мифологическую традицию (путем поощрения или порицания конкретных ее проявлений) и как необычная реалья, усваиваемая благодаря описанию через привычные модели.

Образы советских руководителей и врагов государства конструируются на основании устойчивых мифологических моделей – «царь-избавитель», этнический противник, чудесно спасшийся персонаж, караемый грешник. Концептуализация таких исторических событий и ситуаций, как коллективизация, перепись населения, антирелигиозная политика, происходит при помощи модели «светопреставление и приход антихриста», когда действия власти, нарушающие «старый порядок», трактуются как признаки грядущего конца света.

Отдельно следует сказать о форме существования рассмотренных текстов. Значительная часть выявленных нами записей из мемуаров, «писем во власть», сводок, прессы связана с той формой бытования фольклорной прозы, которую К. Сидов определял как *Chroniknotizen* (Sagenbericht) – «слухи и толки» в переводе К. Чистова²². Подобные тексты относятся к неформальному дискурсу и являются источником и способом передачи информации, альтернативным официальному. Привязанные к конкретным событиям, слухи скоротечны и сменяемы, но «культурные модели, на которые они опираются, и механизмы, вызывающие их к жизни, чрезвычайно устойчивы и относятся к базовым элементам национальной картины мира»²³.

В тоталитарном советском государстве с развитой цензурой слуховая коммуникация образовывалась вокруг лакун внутри официально распространяемых нарративов²⁴. Фольклорно-мифологическая значимость популярных слухов заключается в их связи с мифологической картиной мира: «Чтобы казаться правдоподобным, слух должен отвечать уже имеющимся предположениям и предрассудкам слушателя. ...Слухи, которые выжили посредством пересказа, обязаны были резонировать с мышлением и мировоззрением общества, внутри которого они имели хождение: для него они были понятны, имели смысл и потому распространялись»²⁵.

Пересказывание слухов (как и, например, рассказывание анекдотов) требовало наличия некоторой среды, воспринимаемой рассказчиками как если не дружественная, то, по крайней мере, понимающая, «своя». Анализируя функционирование политических анекдотов в 1930-е гг., Р. Торстон пришел к выводу о достаточно высокой социальной сплоченности (social cohesion) в СССР сталинской эпохи²⁶. Здесь, пожалуй, можно говорить об идентифицирующей функции неподцензурного фольклора: есть «мы» (те, кто рассказывает и кому рассказывают) и «они» (те, о ком рассказывают). Повторимся, что даже при таком дистанцировании от власти все же сильным упрощением будет утверждать, что неподцензурный фольклор служил преимущественно для выражения политического протеста. Вспомним, что некоторые исторические властные фигуры (например, Ленин) соотносились с позитивными фольклорно-мифологическими моделями – добрый царь, король под горой и пр.

В ситуации тотальных социополитических изменений раннесоветской эпохи неподцензурная фольклорная реакция была одним из способов осмысления и адаптации этих нововведений к традиционной картине мира. Знакомые и понятные мифологические модели предлагали готовые интерпретационные схемы, которые наполнялись актуальными реалиями (именами, событиями). Текстуализация этого осмысления нового порядка происходила через сюжеты традиционного фольклора. При этом можно говорить о сложном взаимном влиянии на формирование «народных» представлений об обществе и власти как официальной пропаганды (осуществляющей, в терминологии П. Бурдые, «легитимное символическое насилие», навязывающей произвольные средства познания и выражения социальной реальности²⁷), так и традиционного фольклора (предлагающего в виде знакомых текстов аналогии современных ситуаций).

Примечания

- ¹ Гинзбург К. Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 34.
- ² О закрытых фольклорных фондах см., например: *Комелина Н.Г.* Политический фольклор из «особого хранения» фольклорного фонда Пушкинского Дома // *Русский политический фольклор: Исследования и публикации.* М.: Новое изд-во, 2013. С. 306–405.
- ³ *Фольклор и культурная среда ГУЛАГа.* СПб.: Фонд «За выживание и развитие человечества», 1994.

- ⁴ *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник: 1917–1939. М.: Совр. гуманитар. ун-т, 1998; *Они же.* Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник: 1940–1991. М.: Совр. гуманитар. ун-т, 2001.
- ⁵ Netinalji Stalinist – Интернет-анекдоты о Сталине – Internet Humor about Stalin. Tartu: Eesti Kirjandus muuseum, 2004.
- ⁶ *Архипова А.С., Мельниченко М.А.* Анекдоты о Сталине: тексты, комментарии, исследования. М.: ОГИ, 2009.
- ⁷ Об этом см.: *Архипова А.С., Неклюдов С.Ю.* Фольклор и власть в «закрытом обществе» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 84–108.
- ⁸ Об этом см.: Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 6–101; *Неклюдов С.Ю.* Фольклор и его исследования: век двадцатый // Экология культуры. Архангельск, 2006. № 2 (39). С. 121–127.
- ⁹ См., например: *Miller F.J.* Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. N.Y.: M.E. Sharps, 1991.
- ¹⁰ *Уварова И., Рогов К.* Семидесятые: хроника культурной жизни // Россия / Russia. 1998. № 1 (9). С. 29–74.
- ¹¹ *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. С. 40–41.
- ¹² *Панченко А.А.* От составителя // Русский политический фольклор: Исследования и публикации. М.: Новое изд-во, 2013. С. 7.
- ¹³ *Scott J.S.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale Univ. Press, 1990.
- ¹⁴ Об этом см.: *Петрова Н.С.* Информационные сводки органов политического надзора как источник для изучения актуального фольклора: на примере метеорологической магии 1920–1930-х гг. // Русский архив. 2015. Вып. (7). № 1. С. 6–14.
- ¹⁵ Об этом см.: *Петрова Н.С.* «Субститутные» элементы в религиозных практиках: по воспоминаниям заключенных ГУЛАГа 1920–1940-х гг. // Россия XXI. 2015. № 4. С. 166–175.
- ¹⁶ См. об этом: *Петрова Н.* Фольклорист и «чужие» источники: корпус текстов неподцензурной советской мифологии // Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии: конец XX – начало XXI века: материалы XVI Международной школы-конференции по фольклористике, социолнгвистике и культурной антропологии. М.: РГГУ, 2016. С. 43–46.
- ¹⁷ *Петрова Н.С.* Систематизированное собрание текстов неподцензурного советского фольклора и мифологии: Приложение к дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/pdf/2016_petrovans.pdf (дата обращения: 27.06.2017).

- ¹⁸ Серто М. Изобретение повседневности. 1: Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 81–85. (Серия «Прагматический поворот»; вып. 5.)
- ¹⁹ Румянцев Н. Религиозные летние праздники и их вред // Безбожник. 1937. № 6. С. 4–5.
- ²⁰ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 2: Советская деревня глазами ОГПУ. 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000. С. 262.
- ²¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 3, кн. 2: 1932–1934 гг. М.: РОССПЭН, 2005. С. 579.
- ²² Чистов К.В. Русская народная утопия: генезис и функции социально-утопических легенд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 33.
- ²³ Левкиевская Е.Е. Слухи как речевой жанр: аннотация лекции на Весенней школе-2009 «Фольклор в наше время: традиции, трансформации, новообразования» [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls09_program_levkievskaya.htm (дата обращения 23.06.2017).
- ²⁴ Джонстон Т. Слухи в СССР сталинского времени // Слухи в России XIX–XX веков: Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 22.
- ²⁵ Там же. С. 25.
- ²⁶ Thurston R.W. Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935–1941 // Journal of Social History. Vol. 24. No. 3 (Spring, 1991). P. 541–562.
- ²⁷ Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 92.